

Источник: Овсянникова Т. Г. «Ты видишь, ход веков подобен притче» : (постижение притчевой основы рассказов А. Яшина на уроках внеклассного чтения) / Т. Г. Овсянникова // Беловский сборник / Союз писателей России, Администрация г. Вологды, Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 2017. – Вып. 3. – С. 244-249.

Т.Г. Овсянникова
г. Вологда

**«ТЫ ВИДИШЬ, ХОД ВЕКОВ ПОДОБЕН ПРИТЧЕ»
(Постижение притчевой основы рассказов А. Яшина
на уроках внеклассного чтения)**

Аннотация. В статье предлагаются материалы к уроку внеклассного чтения по изучению прозы А. Яшина. В его прозаических произведениях можно выявить притчевое начало, что и является объектом рассмотрения на школьном уроке в процессе знакомства с рассказами А. Яшина.

Ключевые слова: притча, жанр, загадывание смыслов, композиция рассказа.

В современной социокультурной ситуации, человек, спасаясь от потока информации, который обрушивается на него, привыкает к клиповому сознанию, для которого характерна высокая скорость восприятия образов без акцентирования деталей, а порой

и важных смыслов, а также то, что психологи называют антирефлексивностью. Массовое распространение компьютерных игр, информации в сети Интернет, воздействие телевидения — всё это приводит к тому, что современный человек перестает отделять реальность от ее представления, которое далеко не всегда адекватно. Поэтому не случайно стало уже общим местом рассматривать время конца XX — начала XXI века как эпоху переосмысления и переоценки культурного опыта. Нельзя не согласиться с исследователями, которые утверждают, что культурный опыт нередко оказывается в мире ложных презентаций, лежкопий, которые плодят друг друга, образуя квазиреальность, лишённую традиционных скрепов и опор [1, с. 58].

В этой атмосфере инфляции подлинности культура словно пытается вернуть современного человека к художественному сознанию, иносказательности, игре мысли — всему тому, что и составляет жанровый код притчи. Наверное, именно наше время проявило самую суть жанра притчи. Притча оказывается необходимой для человека XXI века, когда каждый осязательно и непосредственно зависит от всего, что происходит в мире, когда ощущение говорящей и поучающей истории становится всеобщим, когда, действительно, как сказал Б. Пастернак, ход веков можно уподобить притче.

Притча как жанр, непосредственно нацеленный на постижение смысла жизни, который должен черпаться из нее самой, по-разному проявлялась в разные эпохи истории и в разные художественные эпохи. В XIX—XX веках это притчи-пьесы, притчи-рассказы, притчи-романы, стихотворения в прозе, «крохотки», «затеси». Притча XX века перестала быть поучением, она стала обобщенным философским размышлением, в котором читатель участвует на правах соавтора.

По мнению критика Ю. Качалкиной, «притча помогает быть медленнее в скоростном мире, а следовательно — быть глубже и умнее» [2, с. 194]. Мудрость, воплощенная в слове, в произведениях без назидания, навязчивости, в произведениях, дающих возможность думать, обсуждать — в произведениях притчевого характера. Разгадывание притчи — это своеобразная *гуманитарная дискуссия* и исследование, это диалог автора и читателя, учителя и ученика.

Всё сказанное определяет актуальность обращения на уроках словесности к жанру притчи. Такой опыт в методике преподавания гуманитарных дисциплин (русский язык, литература, риторика, основы мировых религиозных культур и т. п.) в школе накоплен. Школьники изучают читают притчи, изучают их специфику, сравнивают притчу и басню, сочиняют притчи.

Но есть и ещё одно важное направление в этой работе — обращение к художественным произведениям XX века в жанре коротких рассказов, философских миниатюр, стихотворений в прозе, очерков, лирических записей, которые объединяет притчевое начало. А. Белый, В. Розанов, М. Пришвин, И. Бунин, А. Солженицын, В. Белов, Ю. Бондарев, В. Солоухин, В. Астафьев — писатели, обращавшиеся к притче как жанру, понимали своеобразие и оригинальность создаваемых произведений, что и отразилось в обозначении ими сборников: «Крохотки», «Мгновения», «Камешки на ладонях», «Затеси». Это книги о себе, о людях, о времени, размышления, имеющие притчевую основу, несущие глубокие философские осмысления, лирические миниатюры, обладающие документальной точностью очерка — это «зарубки» на память не только самому автору, но и каждому из нас, «чтобы сердцем не черствели».

По мнению Астафьева, у каждого человека есть «потребность в задушевной беседе, как и склонность к вечной думе о смысле жизни», которая постигается только через самопознание, — «процесс самопознания есть процесс постижения смысла жизни «через себя». Такое постижение предполагает особого собеседника. Читатель вплотную приближается к автору, прямое слово автора не опосредовано для него привычными литературными формами — сюжетом, героями.

Для творчества А. Яшина также характерно такое приближение к читателю. Это прежде всего проявляется в его поэтическом наследии. «Яшин ищет разнообразных форм выражения поэтической мечты о целом человеке, придерживаясь круга наблюдений из обыденной жизни, — «мирское» убедительнее призывов и абстрактных рассуждений. Быть собой — начало общения. Но собою быть не просто!» [4, 57].

Процесс постижения жизни «через себя» продолжается и в прозе А. Яшина. Так, притчевое начало обнаруживается и в цикле лирических миниатюр, посвящённых М. Пришвину («Вместе с Пришвиным»), и в рассказах цикла «Сладкий остров», и в цикле «Маленькие рассказы».

Далее предлагаются материалы к уроку внеклассного чтения «Ты видишь, ход веков подобен притче»: притчевое начало в прозе А. Яшина.

Для урока выбраны рассказы из перечисленных циклов. Ограниченность объёма данной публикации даёт возможность остановиться только на одном — «Яблочная диета» из пришвинских миниатюр. Небольшой объём рассказа позволяет прочитать его на уроке.

В качестве домашнего задания к этому уроку ученикам предлагалось вспомнить (или установить) особенности жанра притчи, привести примеры притч.

Сообщения учеников могут содержать примерно следующую информацию. Притча — это короткое, сжатое нравоучение в прозаической или стихотворной форме. Реальность в притче явлена вне хронологических и территориальных примет, зачастую без указания конкретных исторических имён действующих лиц. С философской точки зрения, притча — история, используемая в качестве иллюстрации тех или иных положений учения, закона мира. Притчи — это не просто истории, занимательные рассказы обо всём на свете, в них хранится мудрость веков.

Церковнославянское слово «притча» состоит из двух частей: «при» и «тча». Корень слова «притча» — «тча» — «теча» — «теку» (бегу, поспешаю) — тот же самый, что и в слове «предтеча». Притчи, кажущиеся на первый взгляд простыми, несут в себе настоящую глубинную мудрость человечества, поэтому признаны действенным средством нравственного становления человека. Их ценность — в отсутствии назидательных нравоучений. Через притчи раскрываются основные нравственные понятия, составляющие основу мировоззрения: человек и мир, добро и зло, любовь, милосердие, мудрость, трудолюбие, прощение, честность, высокомерие; показан образ жизни людей, их нравственные, семейные и общественные обязанности.

Свойства притчи: лаконична; универсальна; предлагает способы разрешения конфликтной ситуации; даёт возможность указать собеседнику на его недостатки или пороки, не используя агрессивность, так как в притче осуждается не человек, а порок; строится на сравнении; предполагает мыслительную деятельность.

Исследовательская работа с текстом «Яблочная диета»

Перед непосредственной работой по тексту «Яблочная диета» целесообразно сделать небольшое сообщение (слово учителя или подготовленное высказывание ученика) о дружбе Яшина и Пришвина, о цикле пришвинских миниатюр в прозе А. Яшина, вспомнить известные произведения М. Пришвина.

Далее — чтение миниатюры учителем или подготовленным учеником. Вопросы на выявление первичного восприятия: О чём эта миниатюра? Что больше запомнилось?

Вопрос, касающийся признаков притчи в этом тексте, тоже может быть задан. Ответы могут быть разные: кто-то из учеников не обнаружит притчeveго начала, а кто-то уже после первого прочтения готов рассуждать о символическом смысле диалога Пришвина и Яшина.

Основываясь на первичном восприятии, углубляемся в художественное пространство текста.

Определяем своеобразие композиции данного рассказа.

Обсуждаем такие вопросы: Сколько частей можно выделить в тексте? Какова композиционная роль каждой части? Есть ли какая-то особенность в соотношении частей друг с другом?

В ходе обсуждения композиции приходим к следующим наблюдениям.

Лирическая миниатюра из «пришвинского» цикла «Яблочная диета» является одним из штрихов к портрету М. Пришвина.

Любопытна композиция этого рассказа. Можно выделить четыре части.

В первой части, основанной на воспоминаниях о детстве, описываются яблоки, которые выросли на единственной яблоне, раскинувшейся на деревенской улице. В завершении этой части авторское отношение к яблокам вообще: «редким, божественным, царским лакомством остаются они в моих глазах и сейчас» словно разбивается о негативное отношение к яблокам Пришвина: «И вдруг Михаил Михайлович Пришвин, царь зверей и птиц, бог русских лесов, заявляет, что ненавидит — ненавидит! — яблоки».

Вторая часть также посвящена описанию яблок. Только теперь речь идёт о яблоках в доме Пришвина. Это описание так же, как и предыдущее, эмоциональное, при этом эмоциональная напряжённость усиливается контрастом.

Обучающимся предлагается найти сопоставительные параллели в этих двух описаниях:

<i>яблоки детства</i>	<i>яблоки в доме Пришвина</i>
дикие, мелкие, как грецкие орехи	каждое величиной с хороший кулак
кислые, вкус их был таков, что меня до сих пор передёргивает всего от затылка до пят	свежие, сочные, капельки воды на кожуре блестели, как утренняя роса

Обращаем внимание школьников на то, что в этих описаниях чувствуется стиль Пришвина, внимание к деталям, к нюансам, и поэтому в описании цвета есть и такие характеристики, как *глубина* и *прозрачность*.

Кроме того, покажем школьникам восходящую градацию и анафору, которые использует автор в описании пришвинских яблок, чтобы передать своё эмоциональное состояние:

- «любое могло бы сойти за то самое, наливное, из старых сказок, которое подавалось только на серебряном блюдечке»;
- «из-за любого могла бы впасть в долгий сон царевна-красавица со всем своим многонаселённым царством»;
- «любое может ввести в грех или стать причиной раздора».

Это художественное усиление требуется автору, чтобы потом сокрушить: «А он их ненавидит. Как можно ненавидеть такие яблоки?»

Такое построение первой и второй частей, когда можно наблюдать своеобразный параллелизм (и в той, и в другой части описываются яблоки, и в той, и в другой части передаётся восторженное отношение автора к яблокам, и та, и другая часть заканчивается авторским недоумением и даже возмущением: «А он (Пришвин) ненавидит яблоки!»), создаёт особую ритмику всего текста

Важна третья часть, где по-житейски просто автор объясняет причину нелюбви Пришвина к яблокам — врачами были строгойше предписанные дни с яблочной диетой. Автор приходит к Пришвину именно в эти дни, и, описывая атмосферу, Яшин как будто даже сгущает краски:

- «все в доме ели только яблоки»;
- «предлагает гостям отведать яблок»;
- «стариковский румянец Михаила Михайловича с красными прожилками тоже заставляет думать о яблоках»;

— «яблочный запах стоит даже в кабинете Пришвина».

Далее предлагаем ученикам поразмышлять над такими вопросами: Мог бы на этом текст быть завершён? Если он не завершён, то какова роль последней части?

Ученики рассуждают о том, что композиционно текст мог бы завершиться на третьей части. И это, без сомнения, была бы очень трогательная миниатюра, создающая ещё один штрих к портрету М.М. Пришвина. Но автор считает, что этот штрих будет неполным без завершающей части.

Становится понятным, что накал последнего фрагмента достигается только за счёт предваряющих его трёх частей. Ведь и описание яблок, и рассказ о своём восторженном отношении к яблокам, и недоумение по поводу нелюбви Пришвина — всё это подготовило завершающую часть текста. Замечаем, что именно такое композиционное расположение делает эту миниатюру близкой к притче. Как известно, основной смысл притчи разворачивается тогда, когда история рассказана, и далее начинается осмысление. Подобное находим и в этом тексте.

Последняя часть текста, которую по аналогии с притчевой композицией можно назвать моралью, представляет собой диалог Яшина и Пришвина, в который вовлечён и читатель. Этот диалог символичен.

Раскроем с учениками обобщающий смысл этого диалога, в котором встретились две точки зрения, два мироощущения, два миропонимания: с одной стороны, юношеский максимализм («безусый праведник»), и диалектика жизненной мудрости, с другой стороны.

Толчком для этого диалога явилась реплика Яшина, символизирующая молодецкую задиристость, категоричность: «А я люблю яблоки! Очень люблю».

Примечательно и то, что в этом фрагменте появляется форма имени Пришвина — *Михайло* Михайлович, что несколько отстраняет от самого Пришвина и также вносит собирательность и обобщённость в завершающую часть текста.

Впреки ожиданиям Яшина услышать что-то особенное в ответ на свою реплику Пришвин говорит очень просто: «Я тоже любил, пока они не стали для меня обязательными».

В такой простоте также узнаётся стилистика притчи, в которой о самых сложных философских понятиях говорится очень доступно, просто. В этом и сила притчи как жанра: в простоте кроется необыкновенная глубина мысли.

Казалось бы, всё сказано и автор получил ответ на вопрос, почему Пришвин не любит яблоки. Но диалог продолжается.

Интересно с учениками понаблюдать дальнейшее речевое поведение участников диалога. Автор, шеголяя своею «праведностью» («в ту пору я любил спорить...») и пытается дальше подзадорить Пришвина. Он напомнил Михаилу Михайловичу об «осознанной необходимости», дескать, с этой точки зрения все обязательное перестает быть тягостным. Но Пришвин и на это отвечает очень просто: «Есть люди, любящие природу, перелески, луга, любящие жить в лесу. Но если такому человеку сказать, что он должен жить в лесу, — он сочтет это за высылку, и приятная жизнь в лесу станет для него наказанием».

Молодой собеседник продолжает возражать: «Да, но...».

Мудрый Пришвин останавливает его: «Кушайте яблоки. Старость — ведь тоже осознанная необходимость. Но когда вы состаритесь, вы поймете, что не со всякой необходимостью человек мирится охотно и легко. Кушайте яблоки, пожалуйста!»

«Урок диалектики, который преподавал Михаил Михайлович автору миниатюры, запомнился ему на всю жизнь. И сам он остался в памяти Яшина как мудрец и олимпиец» [3, с. 63].

Приглашение «кушайте яблоки, пожалуйста» в контексте диалектики этого диалога прочитывается примерно так: «живите, пока вы молоды», «радуйтесь жизни, пожалуйста, пока не пришла осознанная необходимость».

В русле подобных рассуждений небезынтересно прокомментировать и «образ» самих яблок. Ведь не случайно автор, описывая красоту яблок, использует аллюзии, отсылая читателя к старым сказкам («наливное яблоко на серебряном блюдечке»), к библейским и мифологическим сюжетам («любое может ввести в грех или стать причиной раздора»), где яблоко — символ искушения, наслаждения, раздора. И тогда с большей очевидностью проявляется восторг по отношению к *яблокам* с позиции молодости и нелюбовь к *яблокам* — с позиции старости.

Разгадывание таких смыслов — это прочтение притчи. Ведь особенность притчи как жанра в этом и заключается — «придавать глубинное измерение тексту, связывать воедино различные смысловые пласты» [1, с. 57].

Притча, действительно, должна быть разгадана, чтобы в простоте увидеть глубину. Это — творческая, интеллектуальная задача, и она не может не увлечь школьников. Безусловно, к этому добавляется и присущий притче воспитательный потенциал, очень важный для постижения таких текстов подростками.

Литература

1. Бальбуров, Э.А., Бологова, М.А. Притча в литературно-критическом и философском сознании XX — начала XXI века / Э.А. Бальбуров, М.А. Бологова // Критика и семиотика. — М.; Новосибирск: НГУ, 2011. — Вып. 15.
2. Качалкина, Ю. Ойкумена сердца / Ю. Качалкина (<http://magazines.russ.ru>).
3. Михайлов, А.А. Александр Яшин / А.А. Михайлов. — М.: Советская Россия, 1975.
4. Оботуров, В.А. Сквозь магический кристалл. Поэзия Вологодского края второй половины XX века в её вершинах / В.А. Оботуров. — Вологда: ИНП «ФЕСТ», 2010.
5. Яшин, А. Избр. произведения: в 2-х томах / А. Яшин. — Т. 2. — М.: Художественная литература, 1972.

А.А. Костылева
г. Вологда

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В РАССКАЗЕ А. ЯШИНА «ПОДРУЖЕНЬКА»

Аннотация. Статья посвящена изучению предметного мира произведений А. Яшина, способам функционирования вещных образов в рассказе «Подруженька».

Ключевые слова: предметный мир, деталь, вещный образ, функции деталей

Рассказ Александра Яшина «Подруженька» был написан в 1968 году. В основе сюжета произведения лежит история жизни обычной деревенской женщины Катерины Федосеевны, которая по доброте души берет в свой дом одичавшую кошку с надеждой, что та станет ей подруженькой и тем самым скрасит одиночество.

Большую роль в структуре рассказа играет предметный мир, который не только образует среду существования персонажей, но и становится одним из способов создания психологизма.

Структурной единицей предметного мира является деталь — «особо значимый, выделенный элемент художественного образа» [1, стлб. 220]. Детализация в литературе — суть образа, так как именно детали замещают нередко в тексте целое. В зависимости